

Встреча с интересным человеком

Александр ЗАРХИ:

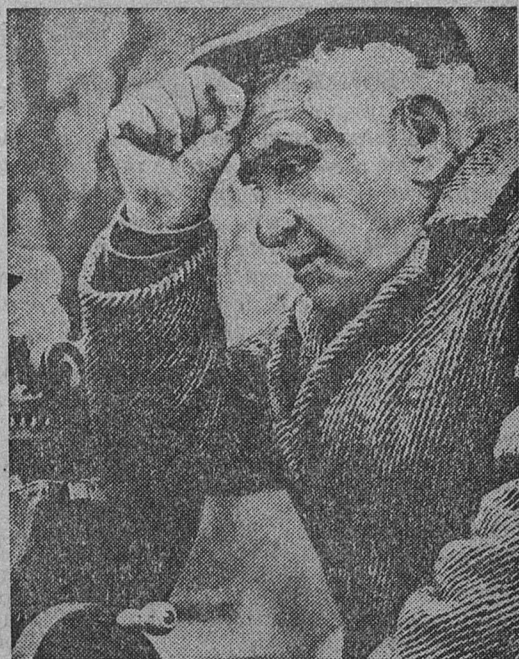
«СУДЬБА МОЯ — КИНО»

Шлягер конца пятидесятих:

«Не кочегары мы, не плотники,
не сожалений горьких нет как нет,
а мы монтажники-высотники
и с высоты вам шлем привет...»

Озорные слова веселой песенки
из кинофильма «Высота», помнит
неслись тогда из всех репродукторов.
Мы, дети, подхватывали их, и дух
занимало от головокружительной
высоты строящейся домны, на самую
верхотуру которой вместе
с отчаянным Колей Пасечником
поднимались и наши восторженные
юные сердца...

Сейчас, тридцать лет спустя,
в беседе с режиссером фильма,
народным артистом СССР, Героем
Социалистического Труда, лауреатом
Государственных премий
Александром Григорьевичем Зархи,
мы вновь приближаем те далекие
дни, кружась по волнам его
памяти-океана.

— Мы снимали «Высоту» в Днепропетровске. Прошло всего десять лет после окончания войны, страна только залечивала тяжелые раны, восстанавливая разрушенное хозяйство. Энтузиазм тех лет сродни был энтузиазму двадцатых годов. Мудрено ли, что нам, режиссерам фильма, хотелось показать трудотворчество, труд-радость. Счастливых показать людей. И нам не пришлось ничего домысливать. На строительстве домны, рядом с которой расположилась съемочная площадка, нас окружали молодые жизнерадостные лица. Мы узнавали в них себя, в двадцатые годы — членов Первой ударной комсомольской бригады. Наша простота, естественность, горячность оказались свойственны и молодежи пятидесятих. Страшная война опалила их детство и юность, но не сломила в них стойкую веру в свое необходимое для страны предназначение. С веселым подъемом работали мы над фильмом. Актеры — Николай Рыбников и Инна Макарова — легко вошли в круг молодых строителей, детали сценария питались впечатлениями каждого нового дня. Общему настрою жизнерадостия и порыва отвечала и музыка молодого Родиона Щедрина, тогда только окончившего консерваторию. Это была его первая работа в кино.

— Вы упоминаете Первую ударную комсомольскую кинобригаду. Нельзя ли подробнее об этом?

— Шел 1929 год. Вступление в жизнь моего поколения счастливо совпало с молодостью страны. Все было тогда впервые: первая пятилетка, первые советские заводы и электростанции, первые комсомольские бригады... Решили и мы с друзьями, к тому времени уже прочно увязавшие свои судьбы с ленинградской кинофабрикой, создать такую же бригаду. Это давало нам шанс! До того мы ходили в учениках, правда, маститых кинохудожников, но все-таки — в учениках. А здесь, в бригаде, перед нами открывался замечательный простор: режиссер, сценарист, художник, оператор — все это были мы сами, одна группа. Твори! Первую свою работу мы, комсомольцы-ударники ленинградской кинофабрики, посвятили комсомольцам-ударникам фабрики «Красный ткач». И в этом фильме с его наивными представлениями о коллективизме, о новом быте есть несомненное присутствие нового отношения к труду как к творческой потребности человека.

— Вам не хотелось продолжить эту тему? Ведь в несохранившийся сейчас фильм «Ветер в лицо», и «Высота» среди известных ваших фильмов «Депутат Балтики», «Член правительства», «Анна Каренина», других стоят, что называется, особняком.

— Мне кажется, я не оставлял эту тему никогда. Сразу же после фильма «Ветер в лицо» нас с кинорежиссером Хейфицем очень увлекла идея снять фильм о первенце плана ГОЭЛРО Волжское. Мы долго изучали материал, составили рабочую записку руководству киностудии, в промежутках между другими фильмами не-

изменно возвращались к своей мечте, но... картину так и не сняли. Что-то все время отвлекало. Бывают такие необъяснимые вещи в режиссерской жизни...

Что-то подобное случилось и много лет спустя. После выхода на экраны «Высоты» наша съемочная группа ездила на предприятия, показывала новую работу. Успех был колоссальный. Зрители аплодировали «героям своего времени», а я смотрел в зал и представлял тех же людей в работе — счастливых людей, захваченных созданием. И давал себе слово, что обязательно вернусь к этой теме, противню ниточку от «Красных ткачей» к монтажникам-высотникам и дальше, дальше — в наши времена.

В 1978 году я был очень близок к этому. Тогда я поехал на БАМ, много встречался с рабочими. Меня поразила их мудрая сила, простота и вера в необходимость избранного пути. Как-то один из бамовцев сказал: «У каждого из нас непременно должен быть свой Комсомольск-на-Амуре!» Вот так: город да плюс трасса протяженностью в тысячи километров — на меньшее никто из них не согласился бы!

И я сел за сценарий. Мне нужен был герой, непосредственность впечатлений которого о БАМе подкупала бы зрителя. Сначала мне казалось, что это должен быть ребенок: мальчишка, приехавший на сибирскую стройку в поисках давно покинувшего семью отца. Но таилась в таком сюжете что-то сентиментальное, «давящее» слезу. Нет, пусть это будет поэт, не только увлекающий молодых строителей «поднимающими» стихами, но и сам увлеченный несколько забытой романтической первопрородой... Я «прикладывал» сценарий к поэту — реальному лицу. Но то он был занят, то я... Так план и не был реализован. Очень об этом сейчас жалею.

— Если я правильно поняла, фильм о строителях БАМа не состоялся во многом из-за невозможности ввести в картину того, кто виделся вам в главной роли. Но не определяется ли вообще успех картины успехом занятого в ней артиста? Ваши фильмы, в которых снимались замечательные актеры Николай Черкасов, Вера Марецкая, Николай Рыбников, Инна Макарова, Татьяна Самойлова, Анатолий Солоницын, Леонид Филатов — всех не перечислишь, — как будто бы подтверждают это?

— Мои картины скорее подтверждают точность выбора актера. Это дело непростое. Ведь режиссер метким попаданием обязан «убить» сразу двух зайцев: выразить свое отношение к герою и предвосхитить представление о нем будущего зрителя. На каждой картине это было по-разному. На роль профессора Полежаева в «Депутата Балтики» мы сначала пробовали Качалова. Все было ясно, точно, но... барствено, что ли. Это шло вразрез с внутренней сутью характера героя. Тогда мы доверились страстному желанию Николая Черкасова играть эту роль. «Она моя!» — закричал он нас. И вся кинофабрика потешалась над нами, когда начались первые пробы: «Мальчишки (и мне, и Хейфицу не было тогда и тридцати) хотят из мальчишки

(Черкасову было чуть поболее) сделать семидесятипятилетнего старца! Результат, как помните, оказался блестящим. Недоверие к нашей молодости было поначалу и у Веры Марецкой, тогда уже признанной актрисы... А вот фильм «Высота», как рабочую спецовку, я примеривал на Инну Макарову еще задолго до съемок. То же произошло и с «Анной Карениной». Кто сыграет главную роль, долго не давало мне покоя, пока на одном из концертов не встретил Татьяну Самойлову. Она выступала, а я в который раз пленялся ее «лица необщим выраженьем». И тут же, в перерыве, предложил ей... перечитать роман Толстого. Потом была долгая, кропотливая работа с актрисой, познавшей и славу, и годы незаслуженного простоя, но с первых дней она, несомненно, была Анной!

А готовясь к работе над «Чичериным», мы искали актера, чья внешность таила бы хоть намек на сходство с народным комиссаром. Нам хотелось не отступать от исторической правды и дать актеру импульс для вживания в образ. Леонид Филатов, на мой взгляд, справился с этой ролью. Об этом говорят и многочисленные письма, которые я получаю.

— Почти полвека прошло со времени выхода на экраны картины «Член правительства». И вот теперь «Чичерин» — фильм тоже о члене правительства, правительства Ленина. Что казалось вам особенно важным при создании фильма?

— Принято говорить, что каждое время требует своих героев. На мой взгляд, оно требует не героя даже, а образ, его воплотивший. Нельзя помянуть местами фильм «Член правительства» и «Чичерин». Тому времени — времени первых пятилеток, предвоенной грозной поры — как символ, как надежда, что выстоим, что преодолеем, что подымемся, нужен был образ Александры Соколовой — простой русской крестьянки, готовой «биться за эту самую жизнь... до самого... смертного часу!»

Но вот прошли десятилетия. Мы снова на повороте, страна наша вновь на изломе судьбы. И сердцем, и умом постигаем: нам вновь нужны истинные интеллигенты — аристократы духа. Каких тяжелых ошибок можно было бы избежать, будь с нами подольше такие руководители, как Ленин, Чичерин, Луначарский, Свердлов, Киров... Эта мысль читается сейчас во многих статьях газет и журналов, в художественной литературе. С этой мыслью я снимал и последние кадры фильма. О чем это говорит? О том лишь, что публицистический фильм может не быть на злобу дня, но обязан тревожить души людей вновь повторенной общевыстраданной идеей.

...Вы просили меня рассказать о себе, а я говорил о своих картинах. Значит... я говорил и о себе. Прекрасно написала однажды Марина Цветаева: «Есть ли у художника личная биография, кроме той, в ремесле?» Пойдем же за нею. Судьба моя — кино. И это уже навсегда.

Беседу вела
М. МЕДВЕДЕВА.